

Дмитрий Званцев,

журналист

Разрушенным не осталось

От редакции

В выставочном зале Псковского объединенного музея-заповедника ко дню освобождения Пскова от немецко-фашистских захватчиков состоялась выставка О. К. Аршакуни «Памятники зодчества Пскова после изгнания фашистов с псковской земли. Рисунки 1945—1946 гг.».

Сейчас, после многолетних реставрационных работ по восстановлению псковских древностей, разрушенных фашистами, нам уже трудно представить, какое печальное зрелище являл собою этот город после изгнания немцев.

Рисунки О. К. Аршакуни воскрешают в памяти то трагическое время и становятся своеобразными документами, обличающими войну. Ее жизнь неотделима от творческой судьбы мужа, архитектора-реставратора Юрия Павловича Спегальского, с которым она включилась в благороднейшее дело — восстановление разрушенного Пскова.

Одна из старинных улиц Пскова — тихая и задумчивая — получила новое имя. Названа она в память человека, влюбленного в свой удивительный город и отдавшего ему себя до конца. В последний, отпущенный судьбой день Юрий Павлович Спегальский писал, не ведая, что подводит итог свершенному:

«В настоящее время далекая псковская старина как бы приближается к нам. Труд археологов, исследователей архитектуры и искусствоведов возвращает нам и делает все более и более понятным многое из того, что, казалось, было уже бесследно утрачено и забыто. Псковским памятникам суждено теперь не разрушаться и не исчезать с лица земли, а возрождаться к жизни, чтобы послужить еще многим людям...»

Ему не суждено было дописать эту страницу. Но главное он успел сказать. Не здесь, не за письменным столом, не на листе бумаги — на улицах Пскова ясным светом светили людям открытые, расчищенные и заново прочитанные Спегальским страницы каменной летописи древнего города.

Об этом человеке иной раз говорили, что он, дескать, весь погружен в древние века,

живет и дышит минувшим. Но для Спегальского и пять веков назад — это было совсем рядом. То время отделялось от нашего протяженностью всего лишь десяти (или близ того) человеческих жизней. И так легко было представить этих десятерых псковичей, эту короткую цепочку земляков, которые своим великим трудом, завещая друг другу его продолжение, подняли и прославили Псков, чтобы радовал он красотой грядущие поколения.

Без прошлого нет будущего. Каждый из нас в ответе за связь времен, за то, чтобы не рвалась она по нашему недомыслию или равнодушию. Спегальский остро чувствовал свой долг перед временем минувшим и посвятил жизнь его выплате.

Слово «памятник» несет в себе некую грусть. Память всегда обращена вспять, к минувшему. Но приезжайте в Псков — город величавый и уютный, таинственный и искренний, мудрый и ласковый, суровый и исполненный нежной прелести, — приезжайте и подивитесь чуду, сотворенному Спегальским и многими его единомышленниками.

Мало где есть столько памятников зодчества допетровской Руси! Но здесь, в Пскове, они уверенно обитают в нынешнем времени, а не обращены в печальную задумчивости к прошлому. Прошедшие сквозь века, они со своими седидами куда живее и полнокровнее иных архитектурных новаций. Спегальскому удалось показать, как нужно сохранять связь времен, добиваться, чтобы «памятники» не превращались в некие надгробия ушедших эпох — пусть ухоженные, красивые, подновленные, но неприкаянные и одинокие, не от мира сего в современном, непрестанно обновляющемся городе.

Спегальский бился над этой задачей всю жизнь. Путь его к решению был трудным, ибо у каждого нового дела вначале (добро бы только вначале) не так уж много сторонников, а куда больше, мягко говоря, оппонентов.

Еще шла война, и Псков после немцев горько пахнул пережженным, рассыпавшимся в огне камнем, и уже начинали прорастать сорными дурными травами черные пожарища, и стояли над окаянными этим запустением поваленные и почерневшие стены некогда белых, как невесты, псковских церквей. Спегальский в блокадном Ленинграде всей душой был с родным городом. Он писал потом: «Думая о Пскове, о его восстановлении, которое должно было наступить после войны, думая об этом еще в 1941—1942 гг. и прикидывая всяческие варианты и возможности, я самостоятельно пришел не к идее, а, так сказать, псковскому варианту идеи сохранения остатков старины в современном городе путем создания архитектурных заповедников».

Он думал о Пскове, об уходящих в небо стенах Крома, о псковском небе — сказочном, ежеминутно меняющемся, точно при тебе его пишет и тут же переписывает заново акварелью какой-то великий мастер. Он вспоминал бегущую через город среди зелени лужков и рощ речку Пскову, вознесенную над нею, по сию пору грозную, Гремячую башню.

В мыслях у него был Псков, а за стенами комнаты лежал закрытый тьмой, прокаленный служей, осажденный Ленинград. Днем Спегальский работал, занимался делом, которое показалось бы удивительным еще год назад,

вместе с ленинградскими архитекторами и альпинистами укрывал чехлами сверхающие купола и шпили города, — они могли стать ориентирами для немецких артиллеристов. Голова кружилась от голода и на земле, но они поднимались на шпили... Кроме этого дела были и другие, тоже срочные и крайне необходимые: враг бомбил, обстреливал город, требовалось вести обмеры и фиксации тех памятников архитектуры, что не имели документации и могли исчезнуть бесследно.

Едва живой от голода и холода, он каждый день рисовал. Все тот же Псков, его древние дома и церкви, стены и башни. Рисовал карандашом: писать акварелью было нельзя, она замерзала... Настал день, когда Спегальский вернулся в этот город. Начал исполняться его мечта: в Пскове создали проектно-реставрационную мастерскую — первую в истории города, — и Спегальский стал во главе ее. К великой беде, возглавлять было некого, разве что самого себя. Город обезлюдел, рабочие руки нарасхват: не одни лишь памятники — весь Псков лежал в руинах.

Он разыскал старых знакомцев каменщиков, с ними и начал работу. Иногда казалось, что не хватит сил сделать явью тот самый «псковский вариант идеи сохранения остатков старины», что был обдуман в Ленинграде. Однажды он поймал себя на поступке странном и беспомощном: пришел к развалинам церкви возле взорванного Ольгинского моста, на Завеличье, и все искал, искал и не мог найти среди каменной осыпи и головешек железную птицу, которую он помнил сидящей на кресте. Чудесную сказочную птицу. Он вымок на осеннем дожде, вымазался гарью, его била дрожь. Он понимал, что им завладела навязчивая идея, но не мог заставить себя уйти, перестать искать...

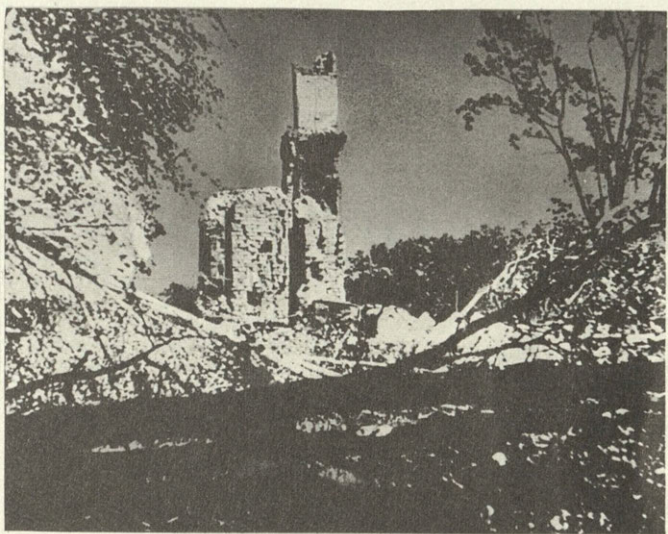
Псков восстанавливался трудно. Не хватало рук, денег, материалов. Совсем не все равно было, как и куда ставить новые здания, где прокладывать новые улицы. Спегальский писал тогда, что «без выявления характерных черт города, выявления его памятников и включения их в композицию города невозможно решить планировку и застройку Пскова с наибольшим архитектурно-художественным эффектом». Он понимал: ошибки будут стоить дорого.

Спегальский проделал гигантский труд: изучил древние планировки Пскова, проследил, как они изменились в веках. Он стремился сделать так, чтобы старина, сохраненная в первоначальной красоте, не только не мешала бойкой жизни современного города, но оделяла бы его радостью, придавала его лицу необщее выражение. Пусть не в полной мере, но Спегальский добился своего: в проект генеральной планировки Пскова включены многие его предложения и разработки.

Но воплотить задуманное не удавалось. Его обвинили в том, что он со своими заботами о памятниках, о лице города якобы мешает восстанавливать его. Он уехал в Ленинград. И с болью сердечной узнал, что какая-то из предместных псковских церквей оказалась загнутой во двор современного «светлого и просторного» дома, что другая обезображена соседством ящикообразного краснокирпичного дома, что уничтожена подлинная кровля XVII века на Пароменской церкви, а половина корпуса под колокольной церковью Михаила-

архангела попросту снесена без фиксации и исследования.

Сейчас в псковской квартире Спегальского (он вернулся в этот город спустя 10 лет после «отлучения») хранятся вещи, по которым видно, как глубоко он любил Псков, как трудна была его разлука с городом и любимым делом. Спегальский снова рисовал, и снова снился ему Псков. Он сделал холщовую завесу, расписал ее маслом, вывел древнеславянской вязью: «А мне бы снилось приволье былое, земля родная Псковская, Пскова-река, по камешкам журчащая, старинный дом, тихий наш старый сад, снились бы старые друзья, каменщики псковские да каменная работа».

Михайловское
после изгнания
фашистов

Грезилась ему каменная работа... Спустя десять лет, осенью 1968 года, он вернулся в Псков, чтобы возглавить здешние специализированные научно-производственные реставрационные мастерские. Меньше чем через полгода Спегальского не стало.

Много ли может сделать в жизни человек? Очень много, если есть у него заветная цель. После Спегальского осталось двадцать семь опубликованных работ, почти все они о Пскове, его архитектуре, его памятниках. Многого осталось в рукописях. Но главная его работа — сам Псков, его нынешний облик.

Он оставил людям открытия, заставляющие по-новому взглянуть и на историю отечественной архитектуры, и на способы реставрации ее памятников. Еще стоят в Пскове и в других городах России здания, которым предстоит обрести давным-давно утраченное лицо. И повсюду пригодится совет Спегальского помнить, что «целью научной реставрации является восстановление подлинных, имевших место в реальности композиций, а не создание реставратором небывалых, своих композиций».